

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ К. Д. УШИНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 37.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-132-143>

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрено научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского в контексте российской культуры, продуцирующей уникальную систему воспитания. Для понимания встроенности идей К. Д. Ушинского в социокультурный контекст его эпохи автор обращается к анализу антиномий культуры, которые определяют национальные идеалы воспитания. Научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского рассмотрено как новый для его времени культурный феномен, выросший на стыке традиций русской национальной школы и идей западноевропейского просвещения. Этот феномен соответствует идеологии русского европеизма, сочетающего универсализм и национальную специфику во всем многообразии бета-паттернальных конфигураций (К. М. Кантор) российской культуры. Сделан вывод о методологической продуктивности концепции К. Д. Ушинского, основанной на выражении антиномичных социокультурных контекстов его эпохи. Среди таких контекстов автором статьи для определения педагогического идеала выделена наиболее значимая базовая культурная оппозиция «исконное – заимствованное», детализированная в культурных оппозициях «социоцентризм – антропоцентризм», «натуроцентризм – теоцентризм» и др., каждую из которых можно представить как двусоставное социокультурное единство (бета-паттерн). Взятые вместе данные оппозиции формируют устойчивую бета-паттермальную конфигурацию российской культуры и её воспроизводства в системе воспитания, которая в снятом виде представлена в наследии К. Д. Ушинского, и которая сегодня создает основу для определения национальной специфики российского образования.

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики, Московский государственный институт культуры; Московский государственный лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Scientific and Innovation Activities, Head of the Department of Social and Cultural Activity, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture; Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences

© Ярошенко Н. Н., 2023

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, история педагогики и образования, философия образования, историко-педагогический процесс, педагогическая антропология, социокультурный подход, антиномии в культуре России, русский европеизм, социоцентризм, антропоцентризм, натуроцентризм, теоцентризм.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского в контексте российской культуры: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 132–143. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-132-143>

THE PEDAGOGICAL LEGACY OF K.D. USHINSKY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE: THE EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Abstract: The article examines the scientific and pedagogical heritage of K. D. Ushinsky in the context of Russian culture, which produces a unique system of education. To understand the embeddedness of K. D. Ushinsky's ideas in the socio-cultural context of his era, the author turns to the analysis of cultural antinomies that define national ideals of education. The scientific and pedagogical heritage of K. D. Ushinsky is considered as a cultural phenomenon new to his time, which grew up at the junction of the traditions of the Russian national school and the ideas of the Western European Enlightenment. This phenomenon corresponds to the ideology of Russian Europeanism, combining universalism and national specificity in all the variety of beta-pattern configurations (K. M. Kantor) of Russian culture. The conclusion is made about the methodological productivity of K. D. Ushinsky's concept, based on the expression of antinomic socio-cultural contexts of his era. Among such contexts, the author identifies the basic cultural opposition "native – borrowed", detailed in the cultural oppositions "sociocentrism – anthropocentrism", "naturocentrism – theocentrism", etc., the most significant for determining the pedagogical ideal, each of which can be represented as a two-part socio-cultural unity (beta pattern). Taken together, these oppositions form a stable beta-pattern configuration of Russian culture and its reproduction in the education system, which is presented in a filmed form in the legacy of K. D. Ushinsky, and which today creates the basis for determining the national specifics of Russian education.

Keywords: K. D. Ushinsky, history of pedagogy and education, philosophy of education, historical and pedagogical process, pedagogical anthropology, socio-cultural approach, antinomies in Russian culture, Russian Europeanism, sociocentrism, anthropocentrism, natural centrism, theocentrism.

For citation: Yaroshenko N. N. The pedagogical legacy of K. D. Ushinsky in the context of Russian culture: the experience of interdisciplinary research. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 132–143. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-132-143>

В год празднования двухсотлетия со дня рождения выдающегося русского ученого, основателя русской научной педагогики, Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), обращение к его научному наследию имеет не только юбилейный характер, но и большую актуальность в контексте изменений современных наук об образовании. Сегодня отечественная педагогика оказалась на этапе переоценки методологических ориентиров, и важнейшие её проявления – обновление российского образования и педагогической науки на национально-патриотической основе, критическое переосмысление зарубежных (прежде всего, западноевропейских) образовательных моделей. Этот методологический поворот получил логическое оформление на уровне государственных решений о выходе из Болонского процесса и начале формирования национальных подходов к развитию образования, в том числе отечественной системы уровней высшего образования [20].

Именно поэтому сегодня столь значимым для российских педагогов становится подход К. Д. Ушинского, сумевшего выявить национальную сущность педагогики в контексте глубокого переосмысления идей философской антропологии, теории воспитания и практик зарубежной школы.

Основные идеи К. Д. Ушинского, как отмечал видный русский педагог П. Ф. Каптерев, «это настоящие живительные начала русского просвещения и русской педагогической науки. Если народное образование когда-либо будет делом действительно близким и дорогим русскому народу, то это случится лишь под условием превращения его в семейное дело каждого и общественное всех» [11, с. 51]. Сегодня российское образование вновь нуждается не только в существенном пересмотре методологических оснований, но и в формировании его идеалов, всецело поддерживаемых на уровне государства и общества.

Именно поэтому масштаб идей К. Д. Ушинского и их влияние на процессы научно-педагогического поиска особенно ясно видятся сегодня, по прошествии двух

столетий, отмеченных яркими страницами в развитии отечественной педагогической науки, устремленной к целостному и всеобъемлющему пониманию закономерностей развития, обучения и воспитания личности, во всем многообразии социокультурных связей и отношений [25].

Полагаем, что особенно актуален вопрос о том, какова социокультурная и методологическая основа педагогических идей К. Д. Ушинского и насколько социокультурная методология педагогики, намеченная великим русским педагогом, соответствует строю современной российской культуры.

Источником для ответа на поставленные вопросы в первую очередь являются труды К. Д. Ушинского, его фундаментальный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», опубликованный в двух томах, и материалы к третьему тому [22; 23; 24], а также – статьи по вопросам народной педагогики.

Наследие К. Д. Ушинского всесторонне рассмотрено в фундаментальных работах, посвященных его научно-педагогическому творчеству (Е. М. Медынский, Л. Н. Модзалевский, П. Ф. Каптерев, В. И. Чернышёв, В. Я. Струминский, Э. Д. Днепров и др.). При этом подчёркивается необходимость актуального прочтения трудов К. Д. Ушинского как источника формирования суверенной и самобытной российской педагогики (Е. Н. Астафьева, М. В. Богуславский, З. И. Васильева, Н. К. Гончаров, Д. А. Донцов, С. В. Иванова, С. Г. Новиков и др.) [1; 3; 4; 5; 7; 8; 15; 16; 17].

Отметим, что в год двухсотлетия К. Д. Ушинского к его наследию очень активно стали обращаться современные исследователи. При этом в ряду многочисленных публикаций появляются отдельные работы, по-новому актуализирующие исследование социокультурного контекста научного наследия великого русского педагога и напрямую обращающиеся к социокультурным корням педагогических взглядов К. Д. Ушинского. Например, в работе профессора С. Г. Новикова (Волгоград), посвященной ретроспекции на-

следея К. Д. Ушинского сквозь призму трансдисциплинарной методологии, в качестве маркеров социокультурной проблематизации используются такие категории, как «разлом образовательного пространства», «социокультурный раскол» [17, с. 4]. Это представляется достаточно неожиданным в контексте анализа процессов в педагогике образования XIX века в России, и, безусловно, вызывает потребность в обсуждении.

В указанной статье С. Г. Новикова [17] речь идет о синтезе культурно-исторического и социокультурного подходов, дополненных концепциями социальной модернизации, совокупность которых позволила дать обоснование следующего тезиса: «В творчестве К. Д. Ушинского обнаруживается разлом отечественного образовательного пространства на (суб)пространства, воспроизводившие полярные мировидения: социоцентристское и антропоцентристское» [17, с. 4]. Необходимо подчеркнуть, что данный вывод был сделан С. Г. Новиковым в ходе ретроспективного анализа, затрагивающего сердцевину философских дискуссий XIX века о судьбах России на перекрестке культур Запада и Востока. Эта дискуссия «не могла миновать становящуюся отечественную педагогическую науку, не отразиться на позиции К. Д. Ушинского. В его взглядах без труда обнаруживается воздействие и славянофильства, и западничества» [17, с. 6]. И далее: «Западники и славянофилы разошлись не в оценке достижений Запада (оппоненты признавали успехи его науки и образования), – констатирует С. Г. Новиков. – Они по-разному определяли характер того идеала, на основе которого следует осуществлять воспитание россиян. Западники <...> ратовали за антропоцентризм. Славянофилы – за социоцентризм в его соборной версии» [17, с. 6].

Полагаем, что процитированное обобщение – это, скорее, красивая гипотеза, чем доказанный вывод. Однако этот свежий, оригинальный ракурс позволяет рассмотреть педагогическое наследие К. Д. Ушинского в социокультурном контексте его эпохи, от-

меченной жаркими философскими спорами западников и славянофилов о русской идее, особом пути России и о судьбах идеалов народности, служения Отчизне.

Споры западников и славянофилов, конечно же, очерчивают горизонт противостояния ценностей Запада и Востока и их проекцию на все сферы общественной жизни России. Причем – не только в ретроспективном и актуальном контекстах, но и в проекции на будущее. Именно поиск пути в будущее задавал социокультурный контекст эпохи, которая фактически открыла демократически ориентированному российскому обществу пространство народного образования.

Отметим, что дискуссия западников и славянофилов велась в контексте, явно превосходящем горизонт национального образования, однако именно народное образование в 60–70-е годы XIX века воспринималось и западниками, и славянофилами как единственно верный путь социокультурной модернизации. Различалось при этом видение идеалов образования, важнейшим из которых стал принцип народности.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что «в отличие от одностороннего понимания народности славянофилами, Ушинский, не отвергая полезности критического использования педагогического опыта других народов, указал границы этого использования» [21, с. 9].

Казалось бы, приводя многочисленные примеры из опыта зарубежной педагогики – американской, германской, французской и др. – К. Д. Ушинский должен был бы предстать перед нами как яркий представитель западничества. Однако этого не происходит. Точно также, читая его рассуждения о народности, народном характере воспитания, мы не видим перед собой славянофила, предельно сконцентрированного на идеале соборности в народном образовании. И здесь уместно согласиться с мнением современного теоретика культуры, профессора Е. В. Мареевой, которая справедливо отмечает, что во взаимоотношениях западников и славянофи-

лов проявило себя новое состояние культуры – «русский европеизм». «Особенный смысл идеи “русского европеизма” – в осознании и осмыслении сложного отношения русского человека к европейской культуре и западной цивилизации, – пишет Е. В. Мареева. – И это отношение не сводимо ни к тождеству, ни к противостоянию, а рождает чреватый противоречием новый культурный феномен» [12, с. 19]. Е. В. Мареева констатирует, что в историко-культурном процессе в России осуществилась трансформация европеизма как типа личности и формы самосознания. На пересечении европейской и российской культуры сложился особый культурный тип, в котором всеобщее содержание и идеалы культурного бытия обрели особую, уникальную форму «русского европеизма».

Признание педагогики частью российской культуры, отражающей её общие черты и специфику, открывает возможность рассмотреть научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского как один из ярких примеров нового для России XIX века культурного феномена, обладающего чертами универсализма, интегративности и – одновременно – выражением национальной специфики. Поэтому, полностью разделяя саму возможность социокультурного анализа в истории педагогики, что прекрасно подтверждают работы Н. Г. Новикова [17 и др.], нельзя согласиться с некоторыми его выводами. И прежде всего, полагаем, что не в полной мере правомерен тезис Н. Г. Новикова о том, что историко-педагогический контекст, в котором формировалась педагогическая концепция К. Д. Ушинского, необходимо рассматривать как социокультурный «раскол» дуальных оппозиций российской культуры. Эта позиция, на наш взгляд, несколько упрощает не только представление о русской культуре с её серьезными достижениями, но и понятие о научно-педагогическом наследии великого русского педагога. Полагаем, что К. Д. Ушинскому не требовалось преодолевать противоречие дуальных оппозиций или становиться выразителем крайних точек зрения – противоре-

чивость оппозиций в отечественной культуре и в отечественной педагогике раскрывается по-разному.

Российский историк педагогики, профессор М. В. Богуславский неоднократно приводил примеры того, как принцип дуальных (бинарных) оппозиций может быть применен в педагогике. В том числе, он выделял такие бинарные оппозиции: «от трактовки всей познавательной деятельности как творческой (свободное воспитание) до прочного и адекватного усвоения учениками конкретных разработок, методик, памяток и схем (технократическое); от подчеркивания главной направленности деятельности школы на общее образование как самоценности (социально-рационалистическое и антрополого-гуманистическое направления) к акцентированию важности специальной подготовки для определенной деятельности (социально-реформаторское); от выдвижения в качестве высшей ценности духовно-нравственного содержания образования, формирования соответствующего эмоционального отношения к знаниям (христианско-антропологическое направление) к подчеркиванию сугубо прагматической ценности конкретных знаний, умений и навыков без их нравственной оценки (технократическое); от доминирования фактора свободы как главного условия развития личности (свободное воспитание) к достаточно осторожному отношению к такой свободе, таящей возможность отхода от господствующей идеологии в сторону «педагогического анархизма» (социально-рационалистическое)» [4, с. 74]. В педагогике бинарность определяет как целеполагание образования, так и его технологию.

Несколько иное понимание принципа бинарности, отличающееся от педагогического (историко-педагогического), сложилось на уровне философско-культурологического осмысления русской культуры. Здесь дуальность оппозиций, бинарность служат структурным объяснением самого строя культуры, который детализируется во всех её частных проявлениях.

Культура России, продуцирующая уникальную систему воспитания, являет собой средоточие многочисленных антиномий, которые действительно сильны по отношению к национальным идеалам воспитания.

Действительно, дуальность российской культуры – это хорошо известный сюжет отечественной культурологии. Например, отечественный философ К. М. Кантор для описания социокультурной специфики России и её места в мировой социокультурной системе создал собственную, достаточно сложную, концепцию антиномий русской культуры.

К. М. Кантор в книге «Двойная спираль истории» [9] и в отдельно опубликованных фрагментах незавершенного второго тома этого труда [10] изложил позицию, согласно которой «Россия принадлежит бета-паттернальному ансамблю мировой социокультурной системы, то есть в ней доминирует колеблющийся, “пульсирующий” паттерн-хамелеон. В нем соприсутствуют альфа-паттерн (“Восток”) и гамма-паттерн (“Запад”), или, иными словами, коллективизм и индивидуализм (“мы” и “не мы”, “я” и “не я”), безостановочно взаимопревращаясь. Эти взаимопревращения то усиливают, то подавляют дополнительный альфа-паттерн и рецессивный гамма-паттерн. Бета-паттерн определяет быструю смену состояний, чувств, поступков, покоя и движения, долготерпения и нетерпеливого порыва, расчетливости и безрассудства, гордости и пресмыкательства, милосердия и жестокости, поклонения и проклятия, расправы и покаяния по отношению к одним и тем же лицам, идеям, порядкам» [10, с. 75].

Следовательно, принадлежность России к «бета-паттернальному ансамблю мировой социокультурной системы» [10, с. 75] определяется сложным сочетанием паттернов. Именно в их причудливом *соотношении*, в котором не установлено доминирование одного из них, проявляется сущностное свойство российской культуры.

Социокультурный анализ педагогических явлений должен, на наш взгляд, также учи-

тывать эту *фундаментальную особенность российской культуры в сложном сочетании различающихся паттернов*. Этот подход может быть применен и к *актуальным явлениям и процессам* в отечественном образовании, и к *ретроспективно* изучаемым педагогическим явлениям.

Анализируя социокультурную концепцию Н. А. Бердяева [2], К. М. Кантор перечислил целый набор антиномий российской культуры, в их числе – «недостаточное развитие личного начала и общинно-государственный коллективизм», «всечеловечность, всемирная отзывчивость и деревенский кругозор и равнодушие к миру», «безличностный коллективизм и безколлективность личности» [10, с. 75]. И этот перечень оппозиций явно шире, чем дуальная оппозиция «антропоцентризм – социоцентризм», предложенная профессором С. Г. Новиковым в качестве объяснительной основы специфики педагогических идей К. Д. Ушинского.

Поэтому нам представляется необходимым выделить некоторые, наиболее методологически значимые, дуальные оппозиции, которые раскрывают сущность педагогической концепции К. Д. Ушинского не только в контексте его исторической эпохи, но и в общем строе российской культуры.

В качестве базовой и методологически значимой мы полагаем возможным установить культурную оппозицию «исконное – заимствованное», которая может быть детализирована в культурных оппозициях «социоцентризм – антропоцентризм», «натуроцентризм – теоцентризм» и др.

Каждую из этих культурных оппозиций можно представить как двусоставное социокультурное единство (бета-паттерн). Взятые вместе, они формируют устойчивую бета-паттермальную конфигурацию российской культуры и её воспроизводства в системе воспитания, представленную в снятом виде в наследии К. Д. Ушинского, которая сегодня создает основу для определения национальной специфики российского образования.

Исконное – заимствованное

Культурная оппозиция «исконное – заимствованное» задаёт методологический уровень для социокультурного осмысления наследия К. Д. Ушинского, в котором интегрирован опыт отечественной и зарубежной педагогики.

Видный историк педагогики Е. Н. Медынский подчеркивал, что К. Д. Ушинский «является основоположником русской педагогической науки», но «это положение отнюдь не следует понимать в том смысле, что до Ушинского в русской педагогике не было ничего оригинального. Наоборот, и в практике, и в теории воспитания русский народ дал много ценного в XVII, XVIII и первой половине XIX в. (братские школы, педагогические идеи Бецкого, Радищева, Новикова, Ломоносова, Сковороды, Герцена, Белинского) [13, с. 11]. То есть научно-педагогическая ветвь, открытая К. Д. Ушинским, выросла на почве национальной педагогической практики, и именно поэтому новаторские идеи оказались близки и понятны русскому учительству, не были отторгнуты и с восторгом восприняты обществом.

К центральной идее своей педагогической системы – идее народности воспитания – К. Д. Ушинский пришел в ходе подготовки к публикации обзоров зарубежных систем образования для «Современника» и «Библиотеки чтения». Именно в сравнительном педагогическом исследовании открылись закономерные связи культуры и подходов к организации образования в различных странах.

Наиболее полно эти закономерности представлены в одной из самых важных статей К. Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании», впервые опубликованной в «Журнале для воспитания» за 1857 год (№ 7, 8). Один из выводов статьи: «У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого является невозможным» [21, с. 165]. И затем в первом томе своего главного труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», развивает эту мысль, подчер-

кивая угрозы слепого и необдуманного переноса инокультурных моделей образования: «Можем ли мы ручаться, что та же английская школа, только переведенная на русский язык и перенесенная к нам, не даст худших результатов, чем те, которые даются нашими традиционными школами?» [22, с. 50].

Е. Н. Медынский отмечал, что наряду с «прогрессивными сторонами идеи народности, в понимании ее Ушинским, в ней имеются, однако, и консервативные черты: Ушинский считал характерной, якобы присущей русскому народу чертой патриархально-религиозную нравственность» [16, с. 29].

В редакционном предисловии ко второму тому, в котором собраны статьи К. Д. Ушинского, в извинительном тоне отмечается, что на трактовках народности «сильно сказался либерализм Ушинского, он внес и консервативные черты: признание, что русскому народу будто бы присущи «задушевные принципы патриархального быта» и религиозность» [23, с. 7].

Русский педагог Лев Николаевич Модзалевский, размышляя о народности в воспитании по К. Д. Ушинскому, о потребности иметь национальную школу, отвечающую народным нуждам, удовлетворяющую наклонности и дарованиям именно русского юношества, ярко показал неприятие идеи народности в учительской среде: «У нас "народною" школою называется только "мужицкая" школа, которую можно было бы гораздо точнее назвать "начальной" – по примеру французской *Ecole primaire*; у нас нет "народных" учителей, кроме деревенских бедняков-тружеников, и самое название "народный" унижено до того, что иной учитель гимназии обидится, если это название применят к нему или к его школе. Нам, или многим из нас, хочется быть только европейцами, и по языку, и по нравам и обычаям, и по взглядам и понятиям, и по облику, и по устройству общественного и семейного воспитания, отчасти французского, отчасти немецкого, отчасти английского и меньше всего – русского. Народность для многих из нас не нужна и даже противна: мы представляем её "мужикам и бабам"». [14, с. 155].

В этом высказывании подчеркнуты крайне западнические ориентиры русского педагогического сообщества, которым противостояли славянофильские идеи народности и соборности. И рассуждение об оппозиции «исконное – заимствованное» составляло сущность спора славянофилов и западников о судьбах народного образования.

Оценка зарубежного опыта для К. Д. Ушинского не сводилась только к описанию увиденного им самим за границей; на основе критического обобщения он указывал на возможность применения в России лучших идей и практических методов. Согласимся здесь с мнением Е. Н. Медынского, отметившего, что «при разработке педагогической теории Ушинский считает необходимым критически использовать всё ценное, что было высказано главнейшими представителями педагогической мысли всех стран» [13, с. 12]. Таким образом, универсалистские взгляды К. Д. Ушинского преодолевали крайности на уровне антиномии «исконное – заимствованное», что создавало предпосылки для уникального способа сочетания отечественных педагогических традиций и передового зарубежного педагогического опыта. В истории русской социальной мысли этот феномен обозначен как «русский европеизм».

Таким образом, оппозиция «исконное – заимствованное», отражающая проблему разграничения отечественного педагогического опыта и опыта зарубежной педагогики, является наиболее общей методологической репрезентацией оппозиций культур Востока и Запада. Полагаем, что и обращение К. Д. Ушинского к антропологическим идеям – это проявление его стремления соблюсти некий баланс между европейским идеалом просвещенного человека и его русской конкретизацией.

Социоцентризм – антропоцентризм

Всё научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского объединяется вокруг теоретического основания, названного им педагогической антропологией и в середине

века XIX предвосхитившего западноевропейскую педагогическую антропологию начала XX века.

При этом идеи К. Д. Ушинского хорошо раскрываются относительно культурной оппозиции «социоцентристское и антропоцентристское» (в этом мы полностью согласны с Н. Г. Новиковым). Это один из корней российского императива воспитания, обозначенный культурологами как антитеза «коллективно-совместной» и «изолированно-индивидуальной» направленности [9, с. 82] русской культуры. Здесь ярко представлен не только паттерн Запада и паттерн Востока, но и паттерн России, которая личное начало Запада адаптирует к Востоку, а коллективное начало Востока – к Западу.

Действительно, дуальная оппозиция индивидуального и общинного идеалов воспитания очень важна в контексте анализа социокультурных истоков концепции народного образования К. Д. Ушинского.

Однако, полагаем, данная оппозиция «социоцентризм и антропоцентризм» – это не два разнополюсных социокультурных пространства, разнесенных далеко друг от друга, а двусоставное социокультурное единство (бета-паттерн). И поиск идеала российской педагогики, который лежит в основе становления отечественной педагогической науки, не исчерпывается только единственной парой «социоцентристское и антропоцентристское».

Социокультурная методология, дополненная историко-генетическим методом, дает возможность обнаружить в воспитательном императиве, сложившемся в России, доминанты и других методологически значимых дуальных оппозиций, в своем пределе достигающих антиномичности, т. е. обладающих качествами принципиальной неразрешимости (по И. Канту).

При обращении к педагогическому наследию К. Д. Ушинского и тому социокультурному контексту, в котором оно сформировалось, выделение в целях анализа только одной линии дуальных оппозиций «социоцентристское и антропоцентристское» (даже в случае

дополнения ее синтетичным бета-паттерном), на наш взгляд, является не полным и явно недостаточным. Это лишь одна линия формирования идеала воспитания в России, который действительно вырабатывался не только в русле поиска границ «социального» и «индивидуального» развития. В дополнение к антиномии «социоцентристское и антропоцентристское» мы можем выделить, как минимум, еще оппозицию «*натуроцентризм – теоцентризм*», которая раскрывает задачу выбора идеала воспитания сообразно природе ребенка или в уподоблении её образу Создателя.

Теоцентризм и натуроцентризм

Дуальная оппозиция «*теоцентризм и натуроцентризм*» во многом определяла характер воспитания в России в XIX – начале XX веках.

Наследие К. Д. Ушинского в свете анализа этой дуальной оппозиции очень показательно: *основная идея его антропологии, по сути, натуросообразна*. Из природы ребенка, его физического статуса, Ушинский выводит идеал восхождения духовной самоорганизации личности; этому, собственно говоря, посвящен весь первый том его главного труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Антропологический метод им выстраивается как единство физиологической и психологической линий развития растущего организма. Ушинского при жизни упрекали в недостаточной религиозности его воспитательной концепции, а советские ученые, наоборот, в извинительном тоне говорили о религиозности ученого, который все-таки был на подступах к «материалистической философии» (Е. Н. Медынский). При этом К. Д. Ушинский, по воспоминаниям современников, был «искренне преданный правительству человек, глубоко религиозный и честнейший гражданин» [18, с. 103].

Идеи педагогической антропологии К. Д. Ушинского формируют мощный бета-паттерн с идеями христианской педагогики

(«современная педагогика выросла на христианской почве и дня нас нехристианская педагогика вещь немыслимая» [19, с. 132]). Действительно, гений Ушинского максимально проявился в его антропологическом мировидении, он «целостно рассматривает человека со стороны педагогики, показывает, как формировать человека, учитывая идеи гуманистической педагогики России, Европы, собственный опыт» [8, с. 56].

Таким образом, в контексте исследования наследия К. Д. Ушинского важно отметить глубокую связь идеалов русского европеизма с идеалами европейского просвещения. «Русский европеизм первой половины XIX века иногда именуют "просвещенческим европеизмом" из-за растущего увлечения идеей европейской просвещенности, – отмечает профессор Е. В. Мареева, – но ее воплощением уже считают не французское Просвещение, а немецкий идеализм, представленный учениями Шеллинга и Гегеля» [12, с. 20]. И далее, рассуждая о сущности русского европеизма, Е. В. Мареева обращается к мнению русского философа Г. П. Федотова, который в «Письмах о русской культуре» выделял два отношения русского общества к Европе: с одной стороны – склонность подражать Европе, а с другой – желание развивать «культурную идею Европы» на русской почве. Первое, по его мнению, породило наших «западников», а второе – «русских европейцев» [Цит. по: 12, с. 20]. К. Д. Ушинского, без сомнения, можно отнести к типу «русских европейцев», что многое объясняет в его педагогической концепции, органично сочетающей идеи традиционного народного воспитания и идеи западноевропейского просвещения.

Оценивая наследие К. Д. Ушинского с позиции соответствия сложному строю российской культуры, необходимо еще раз подчеркнуть, что великому русскому педагогу, стоящему у истоков российской педагогической науки, удалось отразить сущность

и специфику отечественного образования как явления национальной культуры. Однако при анализе социокультурных контекстов, определивших строй педагогического мировидения К. Д. Ушинского, нужно учитывать разницу контекстов «истории педагогических идей» и «истории культуры» (об этом неоднократно писали отечественные историки, культурологи, философы). Соотнесение этих контекстов дает возможность обнаружить соответствие научно-педагогических идей К. Д. Ушинского российскому культурному типу.

Его главный труд «Педагогическая антропология. Человек как предмет воспитания», на наш взгляд, стал попыткой практического воплощения идеи «русского европеизма», призывающего идти не по пути переноса на русскую почву европейских ценностей и идей, а по пути самоопределения русской культуры и цивилизации относительно них.

Этот подход великого русского педагога обеспечил формирование российской педагогической науки, а также дал импульс к обновлению национальной системы образования в России XIX века. Признание педагогики частью российской культуры, отражающей её общие черты и специфику, открывает возможность рассмотреть научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского как новый для его времени «культурный феномен», выросший на стыке традиций русской национальной школы и идей западноевропейского просвещения. При этом речь идет именно о принципиально новом феномене, который в большей мере соответствует идеологии русского европеизма, сочетающего универсализм и национальную специфику во всем многообразии бета-паттернальных конфигураций российской культуры.

Представленный нами вывод об социокультурном универсализме концепции К. Д. Ушинского основывается на обнаружении в историко-культурном контексте его эпохи антиномичных социокультурных кон-

текстов, сильно влияющих на формирование идеала воспитания. Среди таких контекстов наиболее значимыми для определения педагогического идеала мы выделяем культурную оппозицию методологического уровня «исконное – заимствованное» и детализирующие её оппозиции «социоцентризм и антропоцентризм» (введено Н. Г. Новиковым), а также «натуроцентризм – теоцентризм». И этот список оппозиций, на наш взгляд, может быть продуктивно продолжен.

Взятые вместе, эти и, возможно, другие оппозиции формируют устойчивую, трудно изменяемую бета-паттермальную конфигурацию российской культуры и её воспроизводства в системе воспитания, представленную в снятом виде в наследии К. Д. Ушинского. И сегодня эта бета-паттерральная конфигурация создает основу для определения национальной специфики современного российского образования. Именно поэтому междисциплинарный подход, представленный в данной статье, можно признать открывающим новое направление в исследованиях истории и методологии отечественной педагогики. При этом социокультурный анализ педагогических явлений должен основываться на разрешении фундаментальных философских вопросов о том, как антиномии российской культуры соотносятся, противостоят или переходят друг в друга, формируя собственное качество русского европеизма.

С. И. Гессен провидчески отмечал, что «...самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое жизненное значение, что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы» [6, с. 20]. В этом высказывании мы видим призыв к детальному и всестороннему осмыслению наследия великого русского педагога К. Д. Ушинского и выявлению философско-культурологического ядра его научно-педагогической концепции, созвучного запросам нынешнего этапа ценностно-смыслового обновления отечественного образования.

Список литературы

1. Астафьева Е. Н. Современные пособия по истории педагогики // Историко-педагогический журнал. 2014. № 1. С. 206–214.
2. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. Репринт, воспроизведение изд. 1918 г. Москва: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
3. Богуславский М. В. Создатель русской национальной педагогики К. Д. Ушинский (к 200-летию со дня рождения) // Вестник образования России. 2023. № 2. С. 72–80.
4. Богуславский М. В. Ценностные ориентации российского образования в первой трети XX в. // Педагогика. 1996. № 3. С. 72–75.
5. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. Москва: Педагогика, 2019. 272 с.
6. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Москва: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
7. Донцов Д. А. Методология К. Д. Ушинского как основа отечественной педагогики и педагогической психологии. Педагогика. 2017. № 8. С. 34–42.
8. Иванова С. В., Елкина И. М. Антропология vs педагогическая антропология Ушинского // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 2, № 2 (92). С. 51–58.
9. Кантор К. М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1. Общие проблемы. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 904 с.
10. Кантор К. М. Россия – бета-паттернальный ансамбль // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 73–85.
11. Каптерев П. Ф. Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 41–56.
12. Мареева Е. В. «Русский европеизм» и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 17–32.
13. Медынский Е. Н. Великий русский педагог К. Д. Ушинский // Памяти К. Д. Ушинского / Под ред. Е. И. Медынского / Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Ученые записки. Том XXXIII. Москва, 1946. С. 5–28. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/pamyati-ushinskogo_uchenye-zapiski-mgpi_33_1946/go,0;fs,1/
14. Модзалевский Л. Н. О народности в воспитании по Ушинскому // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 151–164.
15. Новиков С. Г. Идеалы воспитания в России на изломе XIX–XX вв.: социокультурный контекст интеллектуальных поисков // Проблемы современного образования. 2023. № 3. С. 105–114.
16. Новиков С. Г. Культурно-генетические основы воспитания в России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 10 (173). С. 4–11.
17. Новиков С. Г. Наследие К. Д. Ушинского: ретроспективный взгляд сквозь призму трансдисциплинарной методологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (177). С. 4–8.
18. Семенов Д. Д. Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте. (По личным воспоминаниям автора) // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 67–104.
19. Семенов Д. Д. Педагогические идеи К. Д. Ушинского // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. Сборник статей. Санкт-Петербург, 1896. С. 105–134.
20. Указ Президента РФ от 12.05.2023 N 343 (ред. от 26.06.2023) "О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования". [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446951/

21. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. 1948. 655 с. [Электронный ресурс] URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t2_1948/
22. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 8: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. 1. Москва-Ленинград, 1950. 776 с. [Электронный ресурс] URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t8_1950/fs,1/
23. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 9: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. 2. Москва-Ленинград, 1950. 628 с. [Электронный ресурс] URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t9_1950/fs,1/
24. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 10: Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». Москва-Ленинград, 1950. 668 с. [Электронный ресурс] URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t10_1950/fs,1/
25. Ярошенко Н. Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2(88). С. 114–127.

*

Поступила в редакцию 29.08.2023